

В. Тусев

МАСТЕР-КЛАСС ПО НЕПРИЯТНОСТЯМ

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Валерий Борисович Гусев
Мастер-класс по неприятностям
Серия «Дети Шерлока Холмса», книга 42

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=648815
Мастер-класс по неприятностям: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-48854-4

Аннотация

Сыновья полковника Оболенского Димка и Алешка – настоящие специалисты по неприятностям. Кажется, они могут найти их в любой момент и где угодно! Да не просто найти, а очутиться в самой гуще событий, решить проблему и сделать так, чтобы виновные понесли наказание. Вот и сейчас Димка защищает от бандитов ферму на Кубани, а Лешка следит за подозрительным типом в подмосковной деревне. На самом деле братья расследуют одно и то же дело – просто пока не догадываются об этом. А тем временем их приключения становятся все опасней...

Содержание

Глава I	4
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валерий Гусев

Мастер-класс по неприятностям

Глава I

НЕБОЛЬШАЯ МАЛОСТЬ

Господа, вы ввязываетесь в скверную историю», – сказал когда-то кто-то из королевских мушкетеров. Сказано очень давно, но сказано верно и на все времена.

Вот и мы с Алешкой этим летом ввязались в скверную историю. Только поврозь. Он ввязался в средней полосе России, на берегу заросшего пруда, а я – в ее южной полосе, на берегах полноводной реки Кубани. Мы ведь оба настоящие специалисты по неприятностям! Можем запросто учить других, как их находить!

Получилось как? Получилось так, что наша школа, она не совсем нормальная. Она с этим... с гуманитарным приветом. Кроме всякой физики и математики, мы больше всего изучаем литературу, историю искусств, философию, всякую живопись, иностранные языки, этику с эстетикой. Мы ходим в музеи, на выставки, в театры. И сами устраиваем выставки и ставим классические спектакли, ничуть не хуже, чем их ставят на профессиональной сцене профессиональные режиссеры. Только гораздо приличнее, как говорит руководитель нашей школьной студии, учитель литературы Бонифаций. Такая у него школьная кличка.

И вот нашему директору Семену Михайловичу (школьная кличка – Полковник) все это надоело. Он собрал в актовом зале старшие классы и сказал:

– Слушать сюда! Вы все шибко умные. Но я хочу, чтобы, закончив вверенное мне учебное подразделение, вы были еще и здоровыми. И хоть что-то умели делать своими руками. А не только гонять мышек по компьютерам. Умственного труда вам хватает с избытком. Физического же труда вам явно не хватает.

– Умственный и физический труд, – сказал наш будущий олимпийский чемпион Андрюха Никитин (Никитá по-школьному), – они находятся в состоянии антагонистических противоречий.

– Я эти ваши противоречия, – пригрозил директор, – разрублю, как дядька Гордей морской узел!

– Гордиев узел, – невозмутимо уточнил Никитá, – разрубил не ваш дядька, а Александр Македонский.

– Да ты что? – делано изумился Семен Михалыч. – Точно знаешь? Не врешь?

Наш директор, он в прошлом боевой офицер, командовал в свое время целым мотострелковым полком. Он очень строгий, справедливый, но добрый человек. И тоже шибко умный. Он окончил высшее офицерское училище да еще и педагогический институт. Но он не очень любит показывать нам свой ум. Ну, умным людям это вообще свойственно. Да это им и не надо. Ум, как и глупость, не скроешь.

В общем, Полковник сказал, что старшие классы он объявляет трудовым десантом и направляет его...

– В горячие точки? – сострил Андрюха. – Не катит, Семен Михалыч.

Еще как не катит-то. Хотя мы еще не знали, что наш трудовой десант волей жестоких обстоятельств очень скоро станет боевым. В очень горячей точке.

– В порядке трудового воспитания, – невозмутимо продолжил Полковник, – этим летом девочки поедут в подшефный детдом, а пацаны отправляются на плодородные берега полноводной реки Кубани.

Там, объяснил Семен Михалыч, на этих полноводных берегах произрастают плодородные сельскохозяйственные культуры в виде пшеницы, кукурузы, огурцов с помидорами, а также арбузов и других щедрых даров природы. А мы будем в фермерском хозяйстве под именем «Красные зори» (а какие они еще бывают – зеленые, что ли?) работать на сборе черешни четырех сортов: черной, белой, красной и желтой.

– Будете обедаться ягодой, – пообещал Полковник, – до потери пульса.

Возражений с нашей стороны не последовало. Дружные аплодисменты возглавил все тот же Андрюха. Только вот наши девочки сразу завяли. От зависти. И застонали на весь актовый зал:

– Мы тоже хотим ягодой обедаться! И красной, и белой, и зеленой!

– Отставить разговоры! – прервал их стоны Полковник. – Пацаны привезут вам этой черешни, каждой по ящику. Всех цветов.

– Мы вам и арбузы прикатим, – щедро дополнил его Никита. – Каждой по ящику.

Как это мы будем катить ящики арбузов, он не объяснил.

Командовать нашим десантом Полковник поручил Бонифацию. Ну, что о нем можно сказать? Бонифаций – он и есть Бонифаций. Голова вся в обильных кудряшках и свитер до колен, который связала ему его добрая мама. Она тоже учитель литературы (в далеком прошлом) и, видимо, передала своему сыну по наследству любовь к российской словесности и к детям школьного возраста. В сочетании с беспощадной строгостью. Если что – у него не задержится и нам мало не покажется.

В общем и целом я поехал на берега реки Кубани, а моего младшего брата Алешку (3-й «А» нашей школы), чтобы не болтался летом в городе, наши родители отправили к нашему другу Митьку на берега заросшего пруда.

Митек – это, вообще говоря, средних лет бородатый писатель. И немного пчеловод. Он собирает мед и пишет хорошие книги о хороших работниках милиции. Он даже о нашем папе книгу написал. Нашей маме эта книга очень понравилась. «Я столько нового, отец, о тебе узнала, – говорила она папе, – даже не верится». Папа отмахивался от этих слов и говорил маме: «Да набрехал там Митек, по-дружески».

Ничего там Митек не набрехал. Папа на самом деле, как у них говорят, правильный мент. В его письменном столе целый ящик орденов и медалей. За всякие раскрытия опасных преступлений, за опасные задержания опасных преступников, за оперативное мастерство, за мужество и героизм, проявленные в борьбе с опасными криминальными сообществами – с бандами, по-простому говоря.

Но папа не любит нам об этом рассказывать; он рассказывает о своей работе только всякие смешные случаи. И по его словам получается, что в милиции служить очень легко, весело и безопасно.

Ни фиги себе, как говорит Алешка. Вот наш Митек, он как писателем стал? Очень просто. Он не так давно опером служил, и однажды, когда они с папой задерживали одного гада по кличке Жорик, этот гад Митька тяжело ранил. И врачи сказали: все, с оперативной работой вам, товарищ Митек, придется расстаться. И тогда Митек стал писать книги о своих боевых товарищах по оружию. А самый его близкий боевой товарищ по оружию – наш папа – дал слово поймать этого Жорика и надавать ему по тылке. С помощью следствия, суда и тюрьмы. Правда, пока этот Жорик папе не попался. На его счастье. Потому что, я думаю, папа надавал бы ему по тылке не только с помощью суда и следствия.

Жорик исчез бесследно, растворился на просторах России. Папа говорил, что он скрылся где-то на юге, но постоянно зачем-то ездит то туда, то сюда. И ни там, и нигде его не могли ухватить, хотя и объявили в розыск. Один раз, говорил папа, его поймали. Случайно. Но выпустили. У него, говорил папа, всегда были наготове хорошие документы. По этим

документам он – то Жора, то Юра, то Георгий, то Жорж Матвеевич. И больше всего беспокоило милицию и уголовный розыск то, что, по случайной информации, Жорик настырно готовился к новому преступлению.

А Митек, уже забыв про свою рану, пишет свои книги в средней полосе России, где у него есть маленький, симпатичный и уютный домик на берегу заросшего пруда, возле деревушки со смешным названием Пеньки. Мы у него часто бываем. И всегда с приключениями. Я уже об этом сто раз рассказывал. Напомню только, что наш Алешка и наш Митек – большие друзья. Потому что Митек – он тоже вроде озорного пацана, и они с Алешкой все время подначивают друг друга, а когда они объединяются против кого-нибудь, тогда этому кому-нибудь мало не кажется...

...Когда мама и Алешка провожали меня на полноводные берега Кубани, Алешка сказал:

– Дим, я тебе буду писать письма каждый день. Потом ты в них исправишь все ошибки, а Митек их напечатает в виде романа. Это такая большая книга, чтоб ты знал. Я получу за нее кучу денег и что-нибудь вам куплю.

– Мороженое? – обрадовалась мама.

– Два! – расщедрился Алешка.

И вот так и получилось. Алешка писал мне письма про свои «страшные опасности и ужасные приключения», я исправлял в них страшные ошибки, а потом Митек из моих воспоминаний и Алешкиных писем слепил вот эту книгу. Я думаю, она вам понравится...

Конечно, наш трудовой десант получился не таким большим, как хотелось бы Полковнику. Многие ребята отказались ехать. Кто-то сослался на слабое здоровье, кто-то собирался с родителями на родное Средиземноморье, а кто-то – в загородное подмосковное имение. Но все равно набралось нас больше двадцати человек, целый взвод, как сказал наш Полковник.

В поезде мы заняли полвагона, ехали весело, почти не спали, съели и выпили все, что собрали нам родители в дорогу и на первое время, а перед самым прибытием к месту назначения Бонифаций вдруг обошел весь вагон и со словами: «Сдавай оружие» – отобрал у нас мобильники и зарядники и сложил в свой черный чемоданчик. С наклейкой в уголке в виде настоящего мультяшного Бонифация – кто-то из ребят наклеил, с намеком.

– Это чтобы по ночам вы не жаловались вашим мамам и бабушкам и не слезливых эсэмэсок типа...

– Типа: «Мама, я хочу домой!» – продолжил Никитá.

– Никитин, не перебивай старшего, ты не в школе! Собирайте вещи, высаживаемся.

Ясным жарким солнечным утром мы высадились на платформу небольшой станции «Тихорецкая». Папа мне говорил перед отъездом:

– На Тихорецкой не зевайте. Там местные бабульки продают та-а-кие соленые арбузы! А тыквенные семечки – отпад, крупнее наших желудей! А жареные куры...

– Крупнее наших лошадей, – дополнил Алешка. С завистью, что ли?

Бабульки на платформе были. Но не было соленых арбузов, семечек и кур размером с лошадь. Торговали они сигаретами, сникерсами, марсами, молоком в пластиковых бутылках и творогом в пластиковых пакетах. Время нынче другое...

– И стоило в такую даль ехать? – присвистнул Никитá. – Все, как у нас, у любой станции метро. Даже менты такие же.

Тут он не ошибся. Вдоль «торговых рядов» прохаживался распахнутый от жары патрульный и скучно приговаривал:

– Распоряжение администрации... Частная торговля в неустановленных местах... Штрафные санкции в размере до...

Бабульки согласно кивали ему и совали в лапу «штрафные санкции».

Но все равно мне здесь понравилось. Совсем другое солнце, совсем другие деревья. И пахнет совсем по-другому. Неведомыми листьями, неизвестными цветами, незнакомыми травами. И здание вокзала понравилось – небольшое, в завитушках по фасаду, с чистыми окнами. Между которыми висели плакаты с портретом какого-то дядьки с усиками – местная администрация, наверное. Из рта дядьки облачком вылетали приятные слова: «Я сделаю вас счастливыми!». Правда, кто-то ему не очень поверил и черным маркером написал на лбу слово «Чарлик». Вроде собачьей клички.

Бонифаций тем временем пересчитал наши головы, заставил проверить вещи.

– Здравия желаю! – услышали мы и увидели высокого человека, похожего на офицера в отставке. Он был в военных галифе и сапогах, но в ковбойской шляпе. Владелец фермы «Красные зори» бывший майор Атаков. – Становись! Равняйся! Напра-у! На погрузку... с места... с песней... шагом арш!

С песней не очень получилось. Потому что наш Бонифаций старательно завизжал старую строевую «Непобедимая и легендарная», а Никитá – еще более старую про елочку, которая родилась в лесу и там же росла. Победил Никитá – он пел густым басом, а Бонифаций жидким тенором.

За зданием вокзала находилось шоссе. Оно было пыльное и пустынное. Зато по его обочине вытянулась живописная колонна: впереди легенькая колясочка на автомобильных рессорах, похожая на легендарную тачанку, запряженная серым в яблоках; затем пассажирская «газелька» и две фуры. Только не думайте, что это наши привычные большегрузные автомобильные фуры. Вовсе нет, это две такие длинные телеги с высокими решетчатыми бортами. В каждой телеге – душистое сено, в каждую запряжена пара коней. Серых в яблоках.

– Стой! Раз, два! – скомандовал военный фермер. – Кто может править лошадьми? Два шага вперед!

Разом шагнул весь «взвод». А ботаник Мальков сделал даже три шага. Этому Мальку я бы не то что лошадь, я бы ему ручную мышь не доверил. Хотя он у нас – будущий золотой медалист и Нобелевский лауреат. Из шибко умных.

Фермер повернулся к Бонифацию и спросил его взглядом. Бонифаций не ошибся:

– Никитин и Оболенский.

Никитá, как универсальный спортсмен, занимался когда-то в конноспортивной школе, а я прошел хорошую практику у папиного друга на подмосковной ферме. И запрягать, и седлать, и ездить верхом, и ухаживать за лошадью – это для меня был не труд, а удовольствие.

– По машинам! – скомандовал фермер.

Мы дружной гурьбой бросились занимать места в телегах. Да не тут-то было.

– Отставить! – рявкнул майор. – Становись! По порядку номеров рассчитайсь!

Да, похоже, мы из школы попали в казарму.

– Первые десять номеров – занять места в фургоне. Остальные – по фурам. Бегом марш!

Майор в отставке внимательно рассмотрел, как мы устроились, и они с Бонифацием сели в легкую коляску. Я разобрал вожжи. Парой я никогда не правил, но это оказалось не труднее, чем править одной лошадью. Мы тронулись. Кавалькадой такой, вроде цыганского табора.

Городок вскоре кончился, и по обе стороны дороги, окаймленной по обочинам какими-то фруктовыми деревьями, потянулись необозримые кубанские степи, засеянные различными полезными злаками и полевыми травами. Вроде кукурузы.

Ехали мы довольно долго. Многие ребята даже задремали на сене, ведь в поезде мы почти не спали.

«Газелька» ушла вперед, а мы неспешно продвигались на «конной тяге». Ярко и жарко светило солнце, сильно пахло всякими травами и растениями, дружно постукивали копытами послушные лошади, заливались в вышине какие-то птицы.

Все вокруг было новое, интересное, необычное. А впереди... Впереди еще интересней станет. Так интересно, что мало не покажется. Скверная история впереди.

Мальков сидел рядом со мной и время от времени хватался за вожжи, делая вид, что он тоже правит.

– Димон, а верхом ты тоже умеешь?

– Могу немного.

– А где ты научился? В каком-нибудь конском клубе?

– В каком еще клубе? Просто мы с моим младшим братом одно время уже жили у одного фермера. Там и научились. И верхом ездить, и коней запрягать, и машину водить, и коров доить, и свиней кормить...

– Интересная у вас жизнь. А я машину только в компьютере вожу.

Да, жизнь у фермера дяди Коли была интересная. Мы многому там научились. Даже с бандитами воевать. Но Мальку я об этом не стал рассказывать, зачем еще больше его расстраивать.

Тем более что тут к нам перебрался еще один бессонный, тоже ботаник, по школьной кличке Матафон. Знаменательная личность. Он удивил нас уже в первом классе. Мы только еще начали знакомиться друг с другом, узнавать – кто ты есть и чего стоишь. И все друг перед другом хвастались. А этот толстенький, со щечками в виде красных яблок, грустно сказал: «А я умею только матафоны собирать». Он еще не умел правильно сказать «магнитофон», но мог сделать его, извините, из двух спичечных коробков, канцелярской скрепки и двух гвоздей. И страдал от таблицы умножения. Но Матафоном так и остался.

Вообще, у нас в классе никогда никому не давали обидные клички. У нас не было Очкариков, мы не насмехались над толстяками – Жиртрест, Сосиска. Вот Никитин... почему его Никитой прозвали? Не по фамилии, а потому что он занимался всякими единоборствами. И никогда не позволял обижать слабых и маленьких. Малькова мы, наверное, прозвали Мальком просто по фамилии. Но он и в самом деле был чем-то похож на маленькую, шуструю, проворную рыбку, которая все знает и никого не обижает...

Матафон тоже подержался за вожжи и спросил:

– Димон, ведь лошадь большая, умная, сильная, так? Почему же она тогда слушается человека и таскает на себе всякие тяжести?

– А ты у нее спроси.

Впереди показались густые зеленые заросли. Это была небольшая речка, которая, наверное, впадает в большую Кубань. Все берега ее заросли высокими камышами и тростниками; только кое-где поблескивала синяя вода, в которой сверкало южное солнце.

Мы проехали по деревянному мосту, громко стуча копытами и колесами, поднялись на высокий берег и увидели столбик с табличкой: «Колхоз «Красные зори».

– Там краснозорьки живут, – пошутил Мальков. – Да, Димон?

– И краснозорцы, – пошутил Матафон. – Птички такие. Земноводные хлеборобы.

Дорога вскоре повернула и потянулась по широкой аллее, обсаженной ровными пирамидальными тополями, похожими на детские пирамидки. Сразу стало свежо и прохладно.

В конце аллеи стоял скромный двухэтажный домик. У входа – два тополя, как два солдата на посту; на черепичной крыше топчутся и воркуют сизые голуби. Слева от двери сохранилась вывеска – «Дирекция колхоза «Красные зори». А теперь, значит, офис фермерского хозяйства.

Фермер соскочил со своей коляски и подошел к нам.

– Все в порядке? – спросил он с усмешкой. – Никого не потеряли? Отлично. Разгрузайтесь. Лошадей – на конюшню. Распрячь. Напоить...

– Баранов – в стойло, холодильник – в дом, – продолжил за него Никитá.

– Бараны – это кто? – усмехнулся фермер.

Никитá уже готов был ответить, но Бонифаций строго его прервал:

– Никитин!

Тот прижал руку к сердцу и сказал:

– Я помню: мы не в школе.

Мы занесли свои вещи в контору, распрягли лошадей. При этом Никитá ухитрился надеть хомут на Малькова. Тот не обиделся и не растерялся, а весело и очень похоже заржал, придерживая хомут у коленок.

Потом мы помчались на реку, искупались и проголодались еще больше. В конторе нас уже ждал легкий перекусон – молоко и здоровенные ломти свежего хлеба.

– Хорошо на даче, – проговорил Никитин, впиваясь зубами в ломоть.

– Не очень, – растерянно сказал вошедший Бонифаций. – Я, кажется, оставил на станции чемоданчик с вашими мобильниками. И с зарядниками.

Мы перестали жевать и хлюпать молоком. Рассеянностью Бонифаций не страдал.

– Это небольшая малость, – сказал фермер. – Завтра я съезжу на станцию и зайду в милицию. Наверняка кто-нибудь их нашел и сдал.

...На следующий день он вернулся на ферму к обеду. С черным чемоданчиком. С пустым. Его действительно сдала в милицию одна бабуля из «торговых рядов». Она нашла его под лавкой в здании вокзала. Вот такая небольшая малость...

– Не расстраивайтесь, – сказал Никитá Бонифацию. – Вы его не потеряли. Его украли. Утешил, так сказать.

– Это маленькие мелочи, – утешил Бонифация и фермер. – У меня в конторе есть телефон. На крайний случай, всегда можно позвонить. Даже в Москву.

А крайние случаи начались очень скоро...

Глава II «ВАФТОРНЕГ»

Первое Алешкино письмо я получил через неделю после нашего расставания. Привожу из него отрывок, я его уже в основном исправил. Потому что «правильнописание» у Алешки еще хуже, чем у Винни-Пуха. Вот, например: «Дим, преехал ф Пеньки Вафторнег и пашел купаца». Я долго думал: кто такой этот загадочный Вафторнег, который сразу пошел купаться? Вот и вы подумайте, а я пока буду читать его письмо дальше. Как говорится, с улыбкой на устах.

«Я, Дим, очень по тебе скучаю. Ты, Дим, так хорошо готовишь, а мы с Митьком едим только одну яичницу. Правда, все время разную – то из четырех, то из шести яиц. Один раз мне это надоело и я наловил на пруду карасей и сказал Митьку, чтобы он их пожарил на сковородке. Он, Дим, их пожарил. Только вместе с рыбной чешуей и с рыбными кишками. Этих карасей даже всегда голодная кошка Ксюшка есть не стала. А ела вместе с нами яичницу. Из яиц.

Но я, Дим, за это Митьку отомстил. Я, Дим, наловил целую стаю бронзовок (объясняю: это такие красивые золотисто-зеленые жучки, июньские такие) и сложил их в пустой коробок. И вечером сунул Митьку под подушку. Думаю, пусть повернется на голодный желудок.

Я ему здорово, Дим, отомстил. Он, Дим, всю ночь вскакивал и меня будил:

– Лешк, ты слышишь, кто-то где-то скребется. Этомышь. – Митек, отважный опер, ничего и никого не боялся. Кроме Лешки и мышей.

– Пусть скребется, – и я снова засыпал.

А он, Дим, опять: что-то где-то скребется. В общем, Дим, так он не спал и волновался всю ночь. Под утро, Дим, я его пожалел. Забрал коробок и сунул его под свою подушку».

Дальше я Алешкино письмо поправить не успел, читайте как есть: «И крепка заснул нарасвети (на рассвете). Но нидолга (не долго). Как они, Дим, заскреблись, я даже подскочил – будто (будто) тигр в дверь царапался»...

Отомстил, называется.

А вот конец Алешкиного письма мне не очень понравился: «Скора, Дим, самной (со мной) опасное преключенье прозойдет (произойдет). Ждिति писемь».

В то время, когда Алешка мстил Митьку и готовился к опасному приключению, мы уже вовсю работали в большом фермерском саду, где ровными рядами стояли черешневые деревья, отягощенные сладкими ягодами. На вкус сладкими, а на труд – очень даже горькими.

Раньше здесь был колхоз по имени «Красные зори». Он спокойненько выращивал ягоды и фрукты, сдавал их государству, получал за них денежки и на эти денежки покупал себе новые машины, строил новые дома, детский сад и спортивный комплекс.

Потом колхоз развалился, сады и огороды заросли бурьяном, колхозники разбрелись по городам и поселкам. А еще потом один отважный человек решил стать фермером, выращивать на месте бывшего колхоза ягоды и фрукты. Этот отважный человек и был бравый майор Атаков. Когда-то неподалеку от «Красных зорь» стояла воинская часть. Та самая, которой когда-то командовал наш школьный Полковник, а майор Атаков был его заместителем. В колхозные времена солдаты этой части помогали колхозникам убирать урожай. И все были довольны. Колхозники – солдатской помощью, солдаты – фруктами и ягодами, которые они ели сколько влезет. Влезало в них много, но оставалось еще больше.

Воинскую часть расформировали, а майор Атаков стал фермером. И наш Полковник послал своих учеников ему на помощь, как в свое время посылал своих солдат на трудовой фронт.

На следующий день по приезде фермер Атаков привел нас в сад, на встречу с черешневыми деревьями, усыпанными громадными ягодами так, что даже листья не было видно, а ветки гнулись до самой травы. Между рядов стояли корзины и ящики.

– Ягоду аккуратно собираем в корзинки. – Фермер сдвинул на затылок свою ковбойскую шляпу. У него была такая привычка. Когда он был чем-то недоволен, то сдвигал шляпу на свой нос и сердито посверкивал глазами. А когда ему что-то нравилось, он сдвигал шляпу на затылок, обнажая незагоревший лоб, и глаза его становились веселыми. – Наполнив корзины, ягоду аккуратно перекладываем в ящики. Ящики составляем в штабеля.

– Аккуратно, – подсказал Никитá.

– Вот именно.

– А ягоду аккуратно есть можно?

– Даже нужно. Чем больше, тем лучше. – И, нахмурившись, добавил загадочно: – Лучше в вас, чем в таз. – И еще раз напомнил: – Ветки не ломать, со стремянок не падать. Обед будет доставлен в двенадцать ноль-ноль.

– По московскому? – спросил Никитá.

– Так точно. Приступайте.

...Когда в двенадцать по московскому прибыла полевая кухня, мы уже эту черешню видеть не могли. Мы ее ненавидели. А уж обедать...

Но! Но когда фермерша Атакова разлила по мискам большим черпаком ярко-алый украинский борщ и перед каждой миской положила пампушки и дольки чеснока, оказалось, что мы еще способны на подвиги.

Эта тетя Оксана была очень приятная женщина с ямочками на щеках и с глазами, похожими на крупные черные черешни. На голове ее был белый, в синих васильках платок, завязанный так, что концы его торчали на макушке острыми рожками. Может, поэтому фермер иногда ласково называл свою фермершу Козочкой. Когда поблизости никого не было. Но кто-нибудь из нас всегда был поблизости.

– Кушайте, хлопцы, кушайте, – приговаривала тетя Оксана, нарезаая крупными ломтями горячий пахучий хлеб. – От той черешни сытости мало, а я вот вам сейчас галушек навалю, со сметанкой.

Мы и с галушками управились. И с компотом из страшно вкусных сушеных груш.

Никитá откинулся на траву, зажмурился, похлопал себя по животу:

– Вот теперь и пообедать можно. А то до ужина еще далеко.

Часа в четыре приехал фермер на грузовой «газельке»; мы быстро (и аккуратно) погрузили в нее ящики с черешней всех сортов и расцветок, и он повез черешню в город, на рынок. А мы пошли отдыхать до ужина.

Бравый фермер поселил нас в большом, крытом соломой, сарае под названием сеновал. Кроме сена здесь были только стол со скамьями и бачок с водой, почему-то запертый на замок. Наши вещи дяденька Атаков тоже под замок запер в своем офисе под названием контора.

Жить на этом сеновале было прекрасно. Сено – мягкое, душистое, крыша над головой вся в ярких южных звездах – одни дырки в соломе. За щелястой стеной – овраг, полный кубанских соловьев, которые звонко распевают всю ночь. Наперегонки с цикадами и лягушками.

Укладываясь, Бонифаций мечтательно говорил:

– Эх, ребятки, как я люблю всю ночь вздыхать на душистом сене и до утра слушать божественный свист этих волшебных птиц.

После этих слов он мгновенно засыпал, и соловьев божественных из-за его мечтательного храпа мы уже не слышали.

В первые дни мы сильно уставали и тоже засыпали довольно быстро. Утром ныряли в овраг, по дну которого торопился в речку прозрачный холодный ручей, умывались. Вода была в ручье чистая, холодная и ничем, кроме свежести, не пахла.

Дверей у нашего сеновала не было, были широкие ворота. Уходя на работу, мы припирали их снаружи дрючком, чтобы не забрались внутрь козы да овцы, козлы да бараны.

В первый рабочий день мы с непривычки к физическому труду проспали ужин, а следующим днем наши мирные труды завершились – начались суровые и опасные боевые будни.

Только мы это не сразу узнали. Утром мы подошли к конторе, а возле нее увидели знакомую «газельку» со стойким запахом сильно спелой черешни. Никита (я ударение больше ставить не буду, и так ясно) заглянул в кузов и присвистнул:

– Не понял!

Мы – тоже. Наша черешня так и стояла в ящиках. А мы-то старались.

И в это время мы услышали в открытое окно серьезный разговор фермера и нашего Бонифация.

– А вы знаете, – сердито говорил фермер, – сколько мне предлагают оптовики за мою черешню? Копейки. Мне дешевле вывезти ее в степь и свалить в овраг!

– Это как? – недоумевал Бонифаций. – Это какая-то чушь!

– Чушь! Это мафия!

– Так продавайте ее сами, на рынке, по своей цене. Черешня-то отменная.

– Ага! Вы смешно говорите, сударь. Стану я за прилавок – и что?

– И что?

– А у меня ее десятки тонн. Я ее до Нового года продавать буду.

– А что же ваша милиция? – наивничал Бонифаций.

– Она не наша, – отрубил фермер. – Она – ихняя.

– У меня идея! – Бонифаций зашептал эту идею «озвучить». – Нас здесь почти двадцать два человека...

Тут нам стало не очень ясно, мы переглянулись в недоумении. Как это – почти двадцать два? Кого это он неполностью посчитал? Себя, что ли?

– Почти двадцать два человека! Мы надеваем фартуки и становимся за прилавки. Пойдет такой вариант?

Фермер помолчал. Потом сказал:

– Можно попробовать. А Михалыч не стал бы возражать?

– Наш Михалыч в таком случае и сам бы стал рядом. С пулеметом.

– Ладно, попробуем. Да и я бы от пулемета не отказался.

– Что так? – осторожно удивился Бонифаций.

– Товарищ полковник ведь не зря вас прислал. У меня на ферме народу мало – весь колхоз в город подался, на заработки. Так-то я еще справляюсь, а вот когда уборка подступает, тут либо тревогу труби, либо в барабан бей. Хорошо, что ваши ребята приехали. Может, урожай не пропадет. Хотя, кто знает, как оно получится.

– Да справимся. Мы хоть и городские, но постараемся.

– Не только в этом дело...

Тут мы еще больше ушки насторожили.

– ...Дело в том, что не дают нам работать. Года два назад выбрали у нас этого... Чарлика. Поначалу вроде бы ничего: сделаю вас счастливыми. А потом начал гайки закручивать. Сколотил свою команду, даже в милицию своих людей посадил, установил свои законы.

Помимо его людей урожай не продашь. Я было начал протестовать, стал наших фермеров объединять, чтобы отпор достойный дать, торговать свободно – в свой интерес. Ну, начали меня потихоньку прессовать.

– Наезжать, стало быть, – догадался Бонифаций.

– Поначалу вроде легонько, а сейчас чувствую – возьмутся за меня всерьез. Так что хорошо, что вы приехали. Но как бы худо не стало. Если мне худо – одна беда, а если и вам, то уж две, не меньше.

Бонифаций почему-то не ответил...

Сердца наши наполнились справедливым гневом и праведной злостью. Кто-то из всех сил трудится (фермер, мы с Бонифацием), а кто-то нагло забирает плоды нашего труда и наживается на них!

Где-то в полдень мы уже были в поселке Майский, на рынке. Он обаял нас своими свежими запахами. Пахло свежим мясом, свежей рыбой, свежими овощами и фруктами, свежими валенками.

Мы прошли в свой ряд и встали за прилавки. Фермер Атаков обеспечил нас всех халатами, весами, медсправками и мелкими деньгами для сдачи. Проинструктировал: торгую из своего сада. Или из сада моей бабушки. Сначала нам было немного неловко, но мы быстро вписались в атмосферу рынка. Проблем – никаких, одни продают, другие покупают.

Быстрее всех освоился Никита. Приплясывая за прилавком, он вопил на весь рынок:

– А вот черешня! Московская! На любой вкус! С гуманитарным уклоном! Сорта исторический, эстетический, красивый!

У меня так блажить не получалось, но торговля и у меня пошла. Черешня у Атакова была вне конкуренции. За полчаса я продал где-то с ведро. С гуманистическим уклоном. И где-то в разгар купли-продажи ко мне подошли два стриженных парня. В безрукавных майках. У одного на майке был череп в фас, у другого в профиль. Но морды и у того, и у другого были не костлявые, а круглые и сытые. Ну и наглые, конечно.

– От кого торгуешь, братан? – спросил тот, что в фас, сграбастав на пробу горсть ягод.

– От себя. Теткина черешня.

– Как тетку звать? – который в профиль тоже зачерпнул своей лопатой мою черешню.

– Гарпина. – Я не моргнул глазом.

– Здешняя?

– С Незамаевского хутора.

– Сколько у тебя кил?

– Кил? – я тормознул. – Кил нету, одна черешня.

Парни от души заржали. Объяснили, давась от смеха. Я поскреб макушку:

– Кил с полсотни будет.

– Ну и лады, братан. Как закончишь, полста процентов отстегнешь.

И они лениво пошли дальше по рядам. Я похлопал глазами, закрыл рот. Парни остановились у Никиты. Что-то будет. У Никиты, я уже говорил, кличка не случайная, не от фамилии. Он по жизни экстремал. У него всяких боевых поясов – разноцветье. Что-то будет...

– Хлопец, завесь-ка мне кила два, черненькой. – Бабуля в платочке тянула мне деньги.

Я отвлекся, а когда бабуля отошла, увидел, что Никита неторопливо снял халат, сложил его (аккуратно) и вышел из-за прилавка. Парни грозно надвинулись на него. Раздались женские крики. И мужские тоже. Звали милицию. Потому что Никита уже спокойно надевал халат, а парни молча лежали на земле. Один черепом вверх, другой черепом вниз.

Вдали показались два раскормленных мента с автоматами, в расстегнутых форменных рубашках. Один грыз яблоко, другой – семечки.

Испугаться я не успел. Откуда-то из толпы вырвался наш фермер Атаков, одной рукой подхватил весы, другой дернул за руку Никиту, и они оба исчезли в толпе. А толпа за ними плотно сомкнулась, будто нарочно скрыв их от ментов. Да, милиция здесь, похоже, не очень-то народная. Не стоит на страже трудящихся. Впрочем, это легко проверить.

Я зажал в кулаке две сотни и подошел к этим черепам – в фас и в профиль, – они уже поднялись и отряхивались.

– Держите, – сказал я. – Фифти нам, фифти вам.

Они посмотрели на меня, как на психа. Наверное, еще не совсем оправились от «разговора» с Никитой.

– Это что? – лениво спросил мент с яблоком.

– Деньги, – удивился я.

– А ты кто? – это другой мент спросил, у которого форменная рубашка была украшена семечковой шелухой. – Документы есть? Торгуешь? Справки есть?

– Я из Москвы, – я нарочно не говорил, а лепетал. – Мы здесь на практике, на уборке урожая.

– Паспорт давай.

Он раскрыл мой паспорт, посмотрел, мне даже показалось, что вверх ногами, – и сунул его в нагрудный карман.

– Пошли в отделение, там разберемся.

Я «страшно испугался».

– Так у меня черешня... Вот эти граждане знают... Как же так? Вы не имеете права...

Тут, будто из засады, вылетел наш Бонифаций. Для нас он на подзатыльники не скупился, но попробуй кто-нибудь чужой на нас наехать! Мало не покажется!

Он схватил меня за руку и одним рывком отправил меня за свою спину, выставив ментам свою хилую грудь.

– Это что такое? Это мой ученик! Вы не имеете права применять к нему свои действия без присутствия педагога! Вот!

– Вить, – мент догрыз яблоко и отбросил огрызок, – он сейчас еще адвоката потребует. Я боюсь.

– Наручники ему, – ответил «Вить», – а то еще нападет на представителей правоохранительных органов.

– Лучше дубинкой.

– Это потом, в отделении. Пошли, педагог. Заодно и нас поучишь.

– Дима! – взвизгнул Бонифаций. – Что ты молчишь? Ну-ка, скажи им!

Сказать, что мой папа полковник милиции, что он в Министерстве внутренних дел очень значительный человек? Успею. Я уже знал, что надо делать, но решил не торопиться. И Бонифаций, похоже, меня понял.

Глава III

ПРОБЛЕМА С НЕУВЯЗОЧКОЙ

Вотделении были распахнуты все окна, но все равно было очень душно (казалось, что эта духота из-за оконных решеток), и было много жужжащих повсюду мух.

Дежурный по отделению сидел за барьерчиком и что-то писал в журнале. Поднял голову, посмотрел на нас, на парней с черепами, на старшину и сержанта.

– Ну, что там у вас?

– Незаконная торговля, – кивок в мою сторону. – Мелкое хулиганство, сопротивление представителям охраны правопорядка, – дубинкой в сторону Бонифация.

– А эти? – спросил дежурный про парубков с черепами.

– Свидетели. Они же потерпевшие.

– Добро. – Дежурный лейтенант захлопнул журнал. – Будем оформлять. Иди сюда! – Это мне было сказано. – Из карманов – все на стол.

– Да вы что! – взвился Бонифаций. – Это мой ученик! Он почти отличник! У него только одна «тройка», да и та по физкультуре!

– Разберемся! – лейтенант поморщился и сдул с носа нахальную муху. – Омельчук!

Появился еще один мент, маленький и кривоногий. Без всяких слов он задвинул Бонифация в «обезьянник» и защелкнул замок.

Бонифаций вцепился руками в прутья решетки, прижал к ним лицо. И в самом деле стал похож на худосочного льва, тоскующего в зоопарке по своим африканским саваннам. Где он мог одной лапой разделаться и с дежурным лейтенантом, и с Омельчуком.

– Так! А ты что ждешь? Трамвай? Или такси? Выкладывай все из карманов.

Я пожал плечами – мол, ваша сила – ваша власть, и начал доставать из карманов и класть на стол свои личные вещи. Бумажник, расческа, черешневая косточка (ее дежурный сразу же смахнул на пол), носовой платок...

– ...Пиши, – диктовал дежурный сотруднику: – Портмоне. В портмонете деньги на сумму сто двадцать рублей восемьдесят копеек... Прописью пиши...

Я промолчал, что денег там было на сумму восемьсот рублей восемьдесят копеек. Прописью.

– ...Так. Пиши дальше: письмо в конверте на имя Оболенского Дмитрия. Женское фото три на четыре, черно-белое. Так... Визитная карточка. Пиши: «Оболенский Сергей Александрович... Полковник милиции... Начальник Департамента МВД Российской Федерации...» – голос дежурного становился все тише, и говорил он все медленнее. И сильно покраснел. Потом сильно побледнел.

– Где взял? – почти шепотом спросил он меня. – Это кто?

– Там написано, – удивленно сказал я.

– Где взял? – повторил дежурный. И добавил почему-то с надеждой: – Украл? Или нашел?

– Подарок, – мирно объяснил я. – От папы.

– От какого папы? – Лейтенант сильно волновался, так он боялся мне поверить. – Что ты врешь? От какого еще папы?

– От моего. У вас же мой паспорт. Там написано: Оболенский Дмитрий Сергеевич. А на визитке – Оболенский Сергей Александрович. Все сходится.

Дежурный неверной рукой нажал кнопку на пульте.

– Ну, что там у тебя? – послышался недовольный голос начальника.

– Неувязка, товарищ майор. Можно к вам зайти?

– Заходи.

Дежурный схватил мой паспорт, папину визитку и помчался к лестнице на второй этаж. В дежурке настала тишина, даже мухи примолкли, напугались. Старшина и сержант переглядывались. Наш Бонифаций злорадно улыбался в своей клетке. Парубки с черепами незаметно выскользнули за дверь.

На столе дежурного что-то затренькало на пульте. Сотрудник, который оформлял мой протокол, поднял голову и проговорил:

– В Москву звонят. Проверяют.

«Проверяйте, проверяйте, – мстительно подумалось мне. – Не повезло вам, менты-братаны».

Старшина и сержант бросили свои переглядки, приняли мудрое решение. Подошли ко мне. Один дал мне яблоко, другой горсть семечек. Они сейчас были похожи на первоклашек, которые сторяча обозвали старшеклассника дураком, а потом спохватились. Но мне не было их жалко.

– Ты посиди пока, – вежливо предложил мне сотрудник, все с таким же вниманием рассматривая протокол.

Но посидеть я не успел. Спустился со второго этажа напуганный лейтенант и пригласил меня наверх, в кабинет начальника.

Начальник сидел за столом и держал в руке телефонную трубку.

– Возьмите, – сказал он мне. – Это полковник Оболенский.

– Дима? – услышал я папин голос. – Что там произошло?

– В милицию забрали, – спокойно ответил я. – Обыскали, деньги отобрали.

– Какие деньги?

– Пап, я тебе потом все расскажу. Без посторонних.

– Понял, – сказал папа. – Не делай глупостей. И не груби. Жду звонка.

Майор положил трубку и встал.

– Дмитрий Сергеевич, – сказал он, – я приношу вам свои извинения за неправильные действия моих сотрудников. Они будут строго наказаны.

– А Бонифаций? – напомнил я.

– И Бонифаций будет наказан... Не понял... Что за Бонифаций?

– Ихний учитель, – вставил лейтенант. – Выступал там... на рынке.

– Не выступал, а заступался, – уточнил я. – А ваши патрульные ему дубинку обещали в отделении. И за решетку посадили.

– Идиоты! – услышал я за спиной, когда закрывал за собой дверь кабинета. Алешка наверняка подслушал бы, о чем они говорят, но я и так об этом догадывался.

В дежурке народу прибавилось. Здесь уже «выступал» наш фермер Атаков при яростной поддержке Никиты.

– Свободу Бонифацию! – орал он. – Всех львов – на волю! В пампасы!

Бонифаций делал ему большие глаза и яростно шипел:

– Прекрати, Никитин! Ты не в школе! Ты в общественном месте!

Тут дробно простучали каблуками по лестнице дежурный и начальник. Дежурный был красен и приказал выпустить задержанного учителя. Начальник был бледен и извинился перед ним.

– Дело не в этом, – сказал Бонифаций. – Дело в том, что не у каждого ребенка – отец полковник милиции.

Майор скривился, как от кислого, и повернулся к патрульным, они съежились, переступили с ноги на ногу.

– Старшина Дыбенко? – Один кивнул согласно и нервно сглотнул, будто у него косточка от сливы в горле заблудилась. – Рядовой Дыбенко! Сержант Пилипюк? – обратился майор ко второму. – Рядовой Пилипюк!

Они стояли перед ним, вытянув руки по швам и хлопая глазами. Мне не было их жалко, мне было противно.

Мне вернули все отобранные вещи и все до копейки деньги, мамину фотографию и порвали протокол. И мы всей гурьбой вывалились из отделения. И ввалились в «газельку» фермера.

– Я этого дела так не оставлю! – кипятился дорогой Бонифаций. – Я ихнему министру напишу. – Тут он спохватился: – Нет, лучше, Дима, пусть твой отец своему министру доложит.

– Мне нужно ему позвонить, – сказал я.

– Из конторы позвонишь, – сказал фермер Атаков. – Крайний случай. Небольшая малость.

Когда мы вернулись на ферму, вся наша команда окружила нас.

– А мы отделение собрались штурмовать! – обрадовал нас очкастый ботаник Мальков.

– Штурмовик! – фыркнул Никита. – Штурмовальщик!

– Честно! – загалдели все. – Мы уже и коней запрягли.

И точно – недалеко от конторы лениво щипал травку Голубок, запряженный в здоровенную фуру, полную кольев и дрючков.

– С ума сошли! – заорал Бонифаций. – Это вам не школа!

– Это вам общественное место! – поддержал его Никита.

– Далеко б не уехали, – спокойно сказал фермер. – Небольшая малость... Супони не затянуты, хомуты – вверх ногами, гужи болтаются... Не уехали б.

– Еще как! – возмутился ботаник Мальков и, неуклюже забравшись в фуру, выпрямился во весь свой малый рост, дернул вожжи. – Но, залетные!

«Залетный» шагнул вперед, пошел себе неторопко... Оглобли грохнулись на землю, телега осталась на месте. Мальков опрокинулся на спину, задрал ноги.

– Приехали, – усмехнулся Никита. – Штурмовики...

Мы перегрузили непроданную черешню в холодильники и пошли обедать. Атаков задержался в конторе, а потом присоединился к нам.

– Да, – вспомнил он и полез в карман, – Оболенский, тебе письмо.

– От жены? – сострил Никита.

– От детей, – сострил я.

Письмо было, конечно, от Алешки. Я не стал его читать за обедом, отложил на вечер. А после обеда пошел в контору, звонить папе.

Фермер Атаков помог мне соединиться с Москвой по коду и тактично вышел.

Я все рассказал папе. Не только то, что произошло со мной, а вообще о том, какие здесь порядки на местных рынках.

– И менты, пап, здесь неправильные.

Папа не обиделся, он сам говорил, что слово «мент» звучит по-разному. Мент может быть правильный – честно выполняющий свою работу. И неправильный, который не защищает честных граждан, а помогает жуликам, за деньги.

– Ладно, – сказал папа. – Я разберусь. Привет от мамы.

– И ей тоже. Как там Алешка?

Папа рассмеялся:

– Ты бы лучше спросил: как там Митек?

– Я ему сочувствую. Кстати, Лешка опять письмо прислал.

- Что пишет?
- Я еще не расшифровывал.
- Будет что-нибудь интересное – сообщи. Оставайся на связи. Если ты мне будешь нужен, позвоню сам.
- Пап, звони в контору, у нас мобильники на станции украли.
- А я тебе говорил: не зевать на Тихорецкой! Давай номер конторы. Да, я через пару дней могу в командировку уехать, так что не волнуйся. Я приму кое-какие меры.

Вечером, на сеновале, мы долго не могли уgomониться.

Я не скажу, что мы ехали на Кубань, чтобы совершать там трудовые подвиги. Кто-то из ребят ехал просто из интереса, кому-то некуда было деться и не хотелось сидеть в горячей летней Москве, кто-то рассчитывал подзаработать – деньги лишними не бывают, особенно в пятнадцать лет. Я вот поехал только потому, что Бонифаций, формируя наш отряд, походя сказал мне: «Дима, я на тебя надеюсь». И куда тут денешься, когда на тебя надеется человек, которого ты уважаешь.

Да и работали мы в первое время без особой охоты и без умения. Больше в рот собирали ягоды, чем в корзины. И многие уже пожалели, что поехали. Уставали с непривычки, ленились иной раз, но как-то постепенно и незаметно втянулись. К тому же жалко стало эту самую черешню, которая вот-вот начнет осыпаться на землю и гнить без всякой пользы. А потом мы начали осваиваться и стали видеть, как работают другие люди. Особенно наш «хозяин» Атаков. А когда рядом с тобой работают хорошо, неловко работать плохо.

А вот сейчас мы вообще многое увидели другими глазами. Повзрослели, что ли?..

Особенно бушевал ботаник Малек.

- Мы должны нанести им всем отпор. Нас много, и у нас есть Никита. И Бонифаций.
 - Ты, Малек, в школе очень умный, а здесь вовсе дурак.
- После этих слов Мальков увял и долго помалкивал. Обиделся.
- Слушать сюда! – точно как наш Полковник рявкнул Никита. – Нас почти двадцать два человека, целый взвод. Делимся на два отряда. То есть на два отделения. Одно, во главе с Мальком, ставит рекорды по сбору урожая и торговле, а другое будет охранять работников прилавка.
 - Правильно, – забыл про свою обиду Мальков. – Я буду командовать отделением охраны!
 - Ты торговать будешь! – отрезал Никита. – Ты худой, мелкий, тебя покупатели жалеть будут. Сдачу не станут брать.

Мальков опять обиделся и замолчал.

Зато Бонифаций, который все слушал за воротами, не смолчал – выступил:

- Я отвечаю за вас перед вашими родителями и перед будущим нашей страны.
 - Прикольно, – сказал Никита. – Я вам не завидую.
 - Не перебивай старших, ты не в школе. Я запрещаю всю деятельность вашего ополчения до особого распоряжения.
 - И сбор черешни тоже? – спросил Никита. С надеждой в голосе.
 - А умываться? – спросил Мальков.
 - А спать можно? – зачастили остальные. – А обедать?
- Бонифаций неожиданно для нас растерялся. Я решил его выручить.
- Парни, – сказал я. – Нам обещали помощь из центра.
 - Батя твой? Спецназ пришлет?

– Не смешно! – теперь Бонифаций выручил меня. – Каждый должен заниматься своим делом. Одни будут собирать ягоды, а другие воевать. Это всем ясно? – И Бонифаций обвел нас тем самым своим взглядом, под которым мы молча ежились еще с пятого класса.

Следующим утром мы снова поехали на рынок и допродали оставшуюся черешню. Никто нам не мешал, никто не требовал «делиться» и никакой патруль с яблоками и семечками к нам не приставал.

Глава IV ПАПА КАРЛО

Лешкино письмо я прочитал перед обедом на ферме. Приводить его здесь целиком не буду, вы все равно его «правильнописание» не разберете, перескажу в основном своими словами.

Вначале Алешка, как обычно, жаловался на Митька. «Мне, Дим, – писал он, – очень без тебя скучно, потому что с этим Митьком мы едим теперь только «хлеп с миодом», потому что яйца уже все съели. Ксюшка, хитрая, «миод» не ест, а поймала стрикагузку. А Митек ее у нее отобрал и поселил в верхней комнате, в своем кабинете. Она там хромает по его столу и какает на его рукописи. Но он на нее не сердится, а вот если бы Ксюшка на них накакала, небось, живо разозлился бы. А уж если я...»

В общем, как я понял, живут они весело. Едят «хлеп с миодом», ловят «стрикагузок» и пачкают рукописи. А потом началось что-то интересное. Алешка познакомился с Папой Карло. «Но он, Дим, Буратин не делает. У него поговорка, Дим, такая: «Вкалываю, как папа Карло». Ни фиги, Дим, он не вкалывает. Живет в своем домике напротив милиции и целый день сидит на лавочке, смотрит на улицу и пьет пиво».

Я тоже не в восторге от папы Карло. Когда это он вкалывал? Ходил по дворам со своей шарманкой, чтобы заработать на стаканчик вина и кусочек сыра – это называется «вкалывать»? Ну посидел вечерок в своей каморке и сделал деревянную куклу... Хотя за Буратино ему спасибо. Такое благодарное человечество не забывает...

«А еще, Дим, он так здорово ругается! Сейчас я тебе напишу». Дальше в письме следовали сплошь зачеркнутые строки – наверное, Митек постарался.

А вот самое главное. С этого главного начались Алешкины приключения, а потом к ним присоединились и мои приключения.

Самое странное и удивительное, что из этих двух историй получилась в конце концов одна. Начались они совсем в разных местах и в разное время, а закончились в одно время в одном месте. Но никто еще этого не знал. Алешка воевал на Севере, а я на Юге. И, как оказалось, с одними и теми же врагами...

...Митек писал новую книгу. Он в ней рассказывал о поисковых группах, которые на местах сражений делают раскопки, находят оружие и останки погибших бойцов. Они устанавливают их имена, сообщают родственникам, а потом на месте захоронений возводят памятники в их честь.

Найденное оружие они передают в музеи, а то, которое еще сохранило свои боевые качества, сдают в милицию.

И вот, недалеко от деревни Пеньки, такая группа поисковиков нашла целый склад оружия военных лет. Наверное, этот склад устроили партизаны, но не смогли почему-то им воспользоваться – война ведь, всякое на войне бывает.

Все найденное оружие сдали на временное хранение в местную милицию. И ее начальник позвонил Митьку, чтобы тот с этим оружием и с этими ребятами познакомился. Митек очень обрадовался и помчался в поселок. Алешка, конечно, помчался вместе с ним.

Сначала они помчались на машине. Но машина у Митька такая старенькая (тоже военных лет), что промчалась недалеко. Заглохла прямо за воротами.

Пришлось идти пешком. Они шли довольно долго, так что поисковиков уже не застали, но начальник милиции майор Максимкин их дождался.

Пеньковская милиция располагалась в старом, даже в старинном доме. В двухэтажном таком, с подвалом. Купеческой постройкой.

Несмотря на такую уменьшительную фамилию, начальник милиции был здоровенный гигант. Когда майор Максимкин ходил по своему кабинету, то все время задевал головой висящие под потолком лампочки. И казалось, что вся мебель расступается на его пути, чтобы он случайно ее не задел. И все стулья дрожали от страха – вдруг он на какой-нибудь из них сядет. Это так мне Алешка его описал.

– А это кто? – спросил Митька майор Максимкин, указывая на Алешку. – Где-то я его видел. Наш человек?

– Еще какой наш-то! Алексей, сын полковника Оболенского.

– Сережки? – обрадовался начальник. Оказывается, они с папой вместе учились в школе милиции, а потом служили участковыми в одном районе. – А похож, похож. Вылитый Сережка в детстве. Да, Алексей?

– Я не очень помню, – вежливо сказал Алешка, – каким был папа в его детстве.

– Таким же языкастым, – сказал Митек.

– Ладно, пошли в подвал, пока у меня время есть.

Максимкин вызвал офицера с ключами. Тот с трудом отпер толстую железную дверь и с трудом ее распахнул, щелкнул выключателем.

Длинный ряд ламп осветил узкий холодный подвал. В самом начале его стоял деревянный барьер, на котором лежали наушники и стояла подзорная труба на треноге – чтобы оценивать дырки в мишенях. А в самом конце подвала, освещенные сильными лампами, выстроились в ряд черные силуэты с белыми кругами на груди.

– Наш тир, – сказал Максимкин. – Лет через пять, Алексей, приходи сюда, постреляешь.

– А я и сейчас могу, – сказал Алешка. – Хоть из палимета.

– «Палимета» у нас нет, – Максимкин покачал головой.

– Алексей хорошо стреляет, – похвалил Алешку Митек. – Однажды он сбил яблоко с моей головы рогаткой.

– Рогатки у нас тоже нет, – сожалея, покачал головой майор Максимкин, а сам, наверное, подумал: и что это за странные писатели, которые ходят с яблоками на голове.

Алешка, в свою очередь, тоже пожалел майора – что ж у вас за милиция: ни «палимета», ни даже рогатки у вас нет. Но тут офицер с ключами отпер еще одну железную дверь – в оружейную комнату, и Алешка ахнул. С завистью и восхищением. Ровными рядами вдоль стен стояли на стеллажах автоматы, в стальных шкафах прятались пистолеты и коробки с патронами, на полках лежали какие-то баллончики, рации, наручники, каски со стеклянными щитками. А посреди комнаты, на длинном стальном столе для чистки оружия стоял большой зеленый ящик. Майор Максимкин приподнял его крышку. В ящике были аккуратно сложены хорошо смазанные и почти как новенькие большие автоматы с деревянными прикладами и дырчатыми кожухами. В торце ящика тесно жались друг к другу дисковые магазины и тускло блестящие под лампой пистолеты.

– «ППШ», «ТТ», – выдохнул Алешка. – Можно потрогать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.